

К. И. Зубков

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К АНАЛИЗУ ПРИЧИН ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ДИСКУССИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ

УДК 930(100)“1914/19”

ББК 63.1(0)5

В статье на основе сопоставления некоторых современных историографических тенденций рассматривается вопрос о необходимости применения к анализу причин Первой мировой войны геополитического подхода, раскрывающего логику формирования противоборствующих коалиций в контексте трендов мировой политики и экономики. Доказывается, что возможность связать динамичную изменчивость международных отношений предвоенного периода, краткосрочные мотивации выбора союзников с долговременными тенденциями мирового развития требует выработки генерализующих моделей анализа международных противоречий, вбирающих в себя все многообразие конкретных обстоятельств зарождения войны. В качестве наиболее обоснованной геополитической модели, раскрывающей логику возникновения Первой мировой войны, анализируется концепция Х. Дж. Маккиндера о дуализме морских и континентальных держав, современный модифицированный вариант которой представлен в предложенной П. Кеннеди модели сдвига в балансе мировых экономических сил.

Ключевые слова: *Первая мировая война, геополитика, империализм, международные отношения, стратегия*

На фоне богатейшей историографии, посвященной изучению конкретных причин и обстоятельств начала Первой мировой войны, ее хода и последствий, можно говорить об особой — геополитической — концептуализации ее истории. Сильнейший толчок развитию геополитических концепций (особенно в побежденной Германии 1920-х гг., но не только там) дала сама мировая война, и вполне естественно, что истоки и итоги этого беспрецедентного глобального конфликта, потрясшего сознание современников, должны были стать первоочередным объектом внимания исследователей. Особое значение геополитического анализа в изучении причин и обстоятельств начала Первой мировой войны заключается в том, что он помещает ее движущие пружины и конкретные события в широкий макроконтекст международных противоречий, структурно определяя проекции возможного и вероятного в политике ведущих держав. Во многом в зависимости от того, каким мы представляем этот контекст, инициируется смена историографических концепций в понимании причин и последствий войны.

На современном уровне изучения Первой мировой войны хорошо видны изъяны хрестоматийно известного ленинского взгляда на нее как на неизбежное столкновение держав «старого» и «молодого» империализма с целью передела мира.¹ Реальные обстоятельства раскола стран мира на две противоборствующие коалиции едва ли укладываются в эту предвзятую схему. В самом деле, какие «империализмы» могли считаться в 1914 г. «молодыми», а какие — «старыми»? Комбинаторная логика здесь, по-видимому, одновременно и более сложная, и гораздо более естественная. Достаточно указать, например, на тот факт, что молодые империалистические «хищники» — Япония, Италия и США — в конце концов присоединяются в ходе войны к Антанте — лагерю «старого» империализма. А как вообще с этой меркой подходить к России и Германии? Можно ли уровень «империалистичности» обсуждать только с позиций степени развития монополистического и финансового капитала, когда очевидно, что война как раз выступает во многих случаях способом «отвоевания» судьбы, альтернативой увековечиванию промышленной гегемонии отдельных держав? В то же самое время традиции империализма являются гораздо

Зубков Константин Иванович — к.и.н., в.н.с. сектора историографии и методологии Института истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)
E-mail: zubkov.konstantin@gmail.com

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 374.

более древними, чем возраст монополистического капитализма, и гораздо более сложным образом связаны с общественным организмом государства, если вспомнить традиции милитаризма, захватнических войн прошлого, тот же самый «военно-феодальный» империализм царской России, который, как о нем писал Ленин, «отчасти восполняет, отчасти заменяет монополию современного, новейшего финансового капитала».² На этом фоне нельзя не упомянуть и совершенно новое для рубежа XIX–XX вв. явление — либерально-экспансионистскую программу «интернационализации» международных рынков, с которой в мировую борьбу включался самый «молодой», уверенный в своей быстрорастущей промышленной мощи американский империализм и которая бросала вызов всем традициям «старого» империализма.³ Катастрофические последствия Первой мировой войны лишь укрепили позиции американских геополитиков послевоенной волны (И. Боумэн, Д. Уайтхлси) в их сокрушительной критике европейского национализма как главного виновника мировой бойни, неспособного уловить объективно назревшую уже к началу XX в. необходимость согласованного формирования глобального экономического порядка как альтернативы созданию имперских «больших пространств».⁴ Если суммировать все эти явления, то логика взаимосвязи степени развития капитализма и захватнического империализма предстает довольно противоречивой: тенденции к аннексионизму характерны не только для находящихся на подъеме держав, требующих соразмерного этому «жизненного пространства», но и для стран, которые силовыми методами стремятся компенсировать слабость чисто экономических, коммерчески-промышленных форм «захвата» новых рынков и территорий.

В такой постановке вопрос о соотношении аннексионистских притязаний различных национально-страновых «империализмов» и о закономерностях их коалиционной группировки нуждается в более специализированном анализе, который бы в полной мере учи-

тывал конкретный геополитический рисунок каждого из основных узлов международного соперничества со всеми составляющими его факторами (хозяйственно-географическими, технико-географическими, культурно-этнографическими, цивилизационными и т. п.). В постсоветской российской историографии необходимость углубления анализа причин Первой мировой войны по линии так называемого *геоисторического* фактора одним из первых обосновал А. И. Степанов. Выделяя три группы причин, приведших к войне (социально-экономические и демографические; военно-политические; геоисторические), к последней группе он отнес «роль географического положения той или иной страны, особенно в военно-стратегическом значении, и влияние предыдущей исторической тенденции развития конкретной страны», под которой, в свою очередь, он понимал «исторически традиционное направление географической экспансии государства, вытекающее как из осознания им своего пространственного положения в мире, критериев определения естественных союзников и противников, системы пространственно-стратегических императивов, так и способа организации своих ресурсов для их достижения».⁵ Действительно, при исследовании генезиса Первой мировой войны трудно отвлечься от таких традиционных геополитических целей держав, как, например, стремление Германии продолжить многовековой *Drang nach Osten* (на этот раз со все более явным смещением вектора экспансии на юго-восток, к территориям бассейна Дуная); стремление Австро-Венгрии расширить свое влияние на Балканах; России — установить контроль над черноморскими проливами и объединить под своей эгидой балканских славян; Великобритании — отстаивать свои интересы в узловых пунктах своей обширной империи (в восточном Средиземноморье, на Ближнем Востоке, в Восточной и Южной Африке, Индии, Юго-Восточной Азии, Китае); стремление Франции иметь на своих северо-восточных рубежах ослабленную и, по возможности, раздробленную Германию и восстановить свою «естественную» границу по Рейну. За каждой из этих целей, безусловно, просматривается мощная историческая инер-

² Там же. Т. 30. С. 174.

³ См.: Дементьев И. П. Формирование идеологии империалистической экспансии на рубеже XIX–XX веков // Американский экспансионизм. Новое время. М., 1985. С. 134–155.

⁴ См.: Bowman I. The New World. Problems in Political Geography. Yonkers-on-Hudson; New York, 1921; Whittlesey D. The Earth and the State. A Study in Political Geography. New York, 1939.

⁵ «Круглый стол»: Первая мировая война и ее воздействие на историю XX в. // Новая и новейшая история. 1994. № 4–5. С. 111.

ция, отлитый в устойчивые алгоритмы политики национальный опыт.

Определяя значение традиционных направлений экспансии великих держав, необходимо, вместе с тем, подчеркнуть, что выводить из них все международные противоречия начала XX в. было бы явным упрощением. Международная система этого периода приобрела уже настолько сложное строение и трансформировалась настолько быстро, что следование традиционным векторам экспансии практически ни в одном случае не приобретало фатально-непреодолимого, неизбежного характера. Ни для одного участника надвигающейся войны, кроме разве что Франции, уязвимой для прямой германской агрессии, присоединение к той или иной коалиции держав не было полностью предопределенным.

Альтернатива состоявшемуся выбору союзников была, в частности, у России. Со времен Крымской войны 1853–1856 гг. и «Большой Игры» в Азии противоречия, разделявшие Россию и ее будущих союзников по Антанте, были в некотором отношении даже глубже, чем расхождение интересов России и объединившейся Германии Гогенцоллернов. С последней Россию связывали не только тесные экономические и культурные связи, но и определенное идеологическое родство царствующих домов, общее видение роли и значения монархического принципа в политике. Линия политико-идеологического раскола Европы на парламентские демократии Западной Европы и полуфеодалные многонациональные монархии Европы Центральной и Восточной (с ущербными и не до конца оформившимися парламентскими институтами) являлась, кстати, одним из наиболее вероятных «водоразделов», в соответствии с которым имели шанс оформиться противоборствующие коалиции.⁶ Секретные соглашения в рамках «Союза трех императоров» 1873 и 1881 гг., «Перестраховочный договор» 1887 г., нахождение у руля внешней политики России прогермански настроенного Н. К. Гирса (1882–1895) на определенное время поддерживали видимость единства фундаментальных интересов правящих династий России, Германии и Австро-Венгрии. Даже после того, как безраздельная поддержка Германией австро-венгерской по-

литики на Балканах и отставка О. фон Бисмарка вызвали поворот российской политики к оформлению военно-политического союза с Францией, альтернатива сближения России с Германией еще не казалась полностью исчерпанной. В 1902 г., в период заключения англо-японского военно-морского соглашения и связанного с этим резкого обострения русско-английских отношений, Вильгельм II стремился увлечь Николая II своим проектом Багдадской железной дороги, рисуя перед ним величественный геополитический сценарий прорыва России с германской помощью в одно из средоточий британской морской мощи — к берегам Персидского залива. «Тебе теперь была бы предоставлена возможность послать несколько полков из Одессы прямо в Кувейт (Эль-Кувейт — К. З.), — писал германский кайзер своему русскому кузену. — Тогда дело бы приняло иной оборот для некой державы (Великобритании — К. З.), потому что русские войска господствовали бы над внутренними линиями берега, против чего даже и величайший флот бессилён по многим причинам».⁷ Пытаясь примирить Николая II с усилением германского влияния в Турции и переключить его внимание на Средний и Дальний Восток, германский кайзер предлагал России геополитическую перспективу построения направленного против Англии грандиозного «евразийского» континентального блока, в котором две монархии составили бы «одно плотное ядро» и в то же время смотрели бы на свои флоты «как на одну большую организацию, обслуживающую один великий континент и охраняющую его интересы как у его берегов, так и в отдаленных морях».⁸ Бьёркский договор между Россией и Германией, заключенный в июле 1905 г., на финальной стадии русско-японской войны, говорил как о симптоматичных колебаниях во внешней политике России, так и о настойчивых попытках Германии удержать ее в орбите антибританской политики, хотя бы и ценой видимого примирения с реальностью русско-французского военного союза.⁹ Даже в 1913 г., в период резкого обострения русско-германских противоречий на Балканах, Вильгельм II

⁶ См.: История Европы: пер. с фр. / под общ. ред. Ж. Карпантье и Ф. Лебрена. СПб., 2010. С. 446–448.

⁷ Переписка Вильгельма II с Николаем II. 1894–1914 гг. М.; Пг., 1923. С. 39.

⁸ Там же. С. 42. См. также: Коковцев В. Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919 гг. М., 1992. Кн. 1. С. 119.

⁹ См.: Сборник договоров России с другими государствами (1856–1917). М., 1952. С. 335, 336.

не упускал возможности заинтересовать Россию преимуществами создания экономического блока стран Центральной и Восточной Европы, направленного против Англии и США.¹⁰

К началу XX в. курс на сближение с Россией лишь отчасти мог рассматриваться Германией как продолжение проводимой Бисмарком искусной политики лавирования, которая, поддерживая традиционное соперничество крупнейших европейских держав (Англии и Франции, России и Англии), должна была препятствовать складыванию в Европе любой враждебной Германии коалиции и таким образом обеспечивать ей известную «свободу рук». По мере того как внешняя политика Германии в правление Вильгельма II трансформировалась из стратегии «выживания» в полномасштабную *Weltpolitik* и основная конфигурация межимпериалистического соперничества в Европе обретала системную определенность, германская стратегия «объединения континента», призванная сформировать сферу общих интересов Германии и России, также принимала черты вполне состоятельной геополитической альтернативы англо-русскому сближению. Достаточно сказать, что уже после Первой мировой войны корифей немецкой геополитической школы Карл Хаусхофер находил идею несостоявшегося «континентального блока» (основным проводником которой в России он считал С. Ю. Витте) самым прочным и надежным, свободным от конъюнктурного релятивизма фундаментом и российской, и германской внешней политики.¹¹

В этой связи следует заметить, что русская геополитическая мысль начала XX в. выражала в равной мере и определенный скепсис по поводу стратегической ценности для России союза с Великобританией, и сомнения в неразрешимости противоречий между Россией и Германией. Свежесть воспоминаний о враждебной позиции Англии во время русско-японской войны, холодно-расчетливый, прагматический дух англо-русской конвенции 1907 г. заставляли немалую часть русского общества сомневаться в союзнической искренности англичан. Один из ярких публицистов этого времени, писавших на геополитические темы, А. Е. Вандам (Едрихин) в 1913 г. в своей работе «Величайшее из искусств (Обзор сов-

ременного положения в свете высшей стратегии)» определял суть назревавшей в Европе мировой схватки как попытку англичан в интересах сохранения своей мировой гегемонии обеспечить «решение очередного для них Германского вопроса», которое будет достигаться «не единоборством Англии и Германии на Северном море», а преимущественно чужими руками — «общеевропейской войной при непрременном участии России и при том условии, если последняя возложит на себя, по меньшей мере, три четверти всей тяжести войны на суше». При этом не существовало и полной ясности по поводу того, какое, собственно, значение германский вопрос имел для России. «...Но что же именно представляет собой Германский вопрос для нас самих, нужно ли нам решать его совместно с англичанами так же, как решали мы с ними в начале прошлого (XIX — К. З.) века Французский вопрос, и к какому результату придем мы, решив его по английскому способу. <...> Мне кажется, что над этим надо подумать, и много серьезнее, чем это делают наши любители стратегического искусства, решающие на политических банкетах за одним бокалом шампанского десять мировых вопросов», — очерчивал проблему Вандам.¹² Абсолютное доминирование англосаксонской «океанической» стратегии в анатомии будущего мирового конфликта и второстепенная, подчиненная, в известном смысле жертвенная роль в нем России вполне ясно осознавались мыслящей частью русского общества. В том, что касалось Германии, русские геополитики начала XX в. в не меньшей степени, чем сами немцы, демонстрировали понимание сложной дилеммы, стоящей перед молодой, ищущей «места под солнцем» империей, стиснутой со своим многомиллионным населением между «Океанской Империей» англосаксов и «Сухопутной Российской империей». В этом контексте степень угрозы, которую создавало для России военное усиление Германии, также должна была оцениваться сугубо прагматически — в зависимости от того, какое направление в конечном итоге примет германская экспансия: в том случае, если начатая Вильгельмом II программа военно-морского строительства выльется в борьбу Германии за выход в Атлантику, она переставала «быть нашим соперником на театре

¹⁰ См.: Коковцев В. Н. Указ. соч. Кн. 2. С. 65.

¹¹ См.: Хаусхофер К. О геополитике: Работы разных лет. М., 2001. С. 373–381.

¹² Вандам А. Е. Геополитика и геостратегия. Жуковский; М., 2002. С. 174.

борьбы за существование и превращалась в естественного союзника»; если же она, «теснимая систематическими ходами английской стратегии», будет отброшена с Атлантического океана «к востоку, в сферу интересов России», последней неизбежно придется столкнуться с Германией в смертельной схватке. В данном случае, как предсказывал Вандам, исходом станет не только вероятное поражение Германии, но и последующее ослабление России вследствие нового организуемого против нее Англией *balance of power*.¹³ Примерно в той же логике оценивали вероятность русско-германского столкновения геополитики консервативного толка, ставившие во главу угла внешней политики России ее традиционную панславистскую программу — пункт, который вызывал наибольшее раздражение Германии и, соответственно, больше всего подогревал в русском обществе антигерманские настроения. Один из видных теоретиков панславизма начала XX в., И. И. Дусинский, писал в 1910 г.: «...если б немцы раз навсегда решительно отказались от всякого дальнейшего *Drang nach Osten* за счет русско-славянского мира и направили всю свою деятельность за море, в сторону нынешних и особенно будущих колоний, Россия могла бы серьезно подумать об установлении вполне устойчивых дружественных отношений с Германией и даже о придании этим отношениям некоторой постоянной формы. Тогда мы, вероятно, даже имели бы полное основание предпочесть германскую дружбу всяким иным дипломатическим комбинациям, так как она обеспечила бы нам прочный мир на западной границе».¹⁴

Не менее сложные дилеммы стояли перед британской внешней политикой, которая за два десятилетия перед Первой мировой войной эволюционировала от вражды с Францией и Россией к союзу с ними, от традиционно дружественных, скрепленных родственными связями правящих династий отношений с Германией к острому антагонизму. Бремя защиты имперских владений в разных частях Земного шара уже к концу XIX в. объективно ставило Великобританию перед риском приобрести несколько врагов одновременно, не имея ни одного надежного союзника, что ясно говорило о кризисе политики «блестящей изоляции». Однако и в этот период Великобритания сохраня-

ла уникальную возможность управлять ситуацией в Европе, играя на противоречиях между двумя сложившимися на континенте коалициями — Тройственным союзом Германии, Австро-Венгрии и Италии и русско-французским альянсом. Противоречия с Францией в Судане и с Россией по всему азиатскому периметру от Константинополя до Желтого моря были настолько сильны и значимы для британской дипломатии, что германский фактор длительное время представлял для Великобритании второстепенную внешнеполитическую проблему, а в некоторых отношениях прямо отвечал британским интересам, позволяя через усиление конфронтации в Европе ослабить давление ее давних соперников на колониальной периферии. Англо-германское сближение начала 1890-х гг. ясно показывало модель, по которой могло в дальнейшем развиваться это сотрудничество: союз британской «морской силы» и континентальной мощи Германии позволял не только эффективно удерживать последнюю от заморских колониальных предприятий, но и связать европейскими проблемами силы всех трех потенциальных соперников Великобритании — Францию, Россию и Германию. Приданию англо-германским отношениям формального характера препятствовали лишь два неясных момента, порождавших взаимное недоверие: в какой степени рвущаяся на колониальное поприще Германия будет воздерживаться от посягательств на британские интересы в Африке и на Ближнем Востоке и какую реальную помощь сможет ей предоставить Великобритания в случае возникновения конфликта в Европе. Хотя целый ряд кризисов на колониальной периферии последовательно вел к ухудшению англо-германских отношений, остается фактом, что до 1905 г. главным соперником Великобритании считалась не Германия, а Россия. Как доказывает П. Кеннеди, окончательно к необратимо нарастающему антагонизму англо-германские отношения толкнула лишь начатая в 1898 г. амбициозная военно-морская программа Вильгельма II и адмирала фон Тирпица, которая была расценена в Великобритании как серьезнейший вызов самому источнику ее стратегического могущества.¹⁵

Среди держав второго ранга яркий пример отчаянного политического торга и крутого

¹³ Там же. С. 179, 182, 183.

¹⁴ Дусинский И. И. Геополитика России. М., 2003. С. 201.

¹⁵ См.: Kennedy P. *Strategy and Diplomacy, 1870–1945*. London, 1989. P. 129–160.

разворота внешнеполитического курса продемонстрировала Италия, которая в условиях начавшейся мировой войны пошла на полный разрыв с Тройственным союзом и на Лондонской конференции 1915 г. присоединилась к Антанте, вытребовав для себя максимально возможные территориальные приращения.¹⁶ Несмотря на германофильскую ориентацию младотурецкого правительства, в 1914 г. к политическому торгу с Антантой, прежде чем выступить на стороне Германии, прибегла Османская империя.¹⁷ Колебания между англофильской и прогерманской ориентациями предвещали присоединение к Антанте Японии. Ее выступление против Германии в полной мере представляло собой вариант «странной» войны: ультиматум, предъявленный Германии, мотивировался ограниченными требованиями удаления ее вооруженных судов из территориальных вод Японии и Китая, а военные действия фактически свелись к захвату осенью 1914 г. германской военно-морской базы в Цзяочжоу (Циндао). В то же время вплоть до 1916 г. германские коммерсанты и частные лица могли продолжать свою деятельность в Японии под охраной закона.¹⁸

Сложность и неоднозначность вопроса о природе противоречий, приведших к мировой войне, непрерывно порождают так называемый историографический «ревизионизм» — попытки рассматривать конфигурацию противоборствующих сил с новых, иногда вполне необычных, позиций и углов зрения. Так, недавно вышедшая фундаментальная работа английского историка К. Кларка предлагает совершенно новую перспективу осмысления генезиса Первой мировой войны.¹⁹ Весьма характерное название его монографии — «Лунатики: Как Европа пришла к войне в 1914 году» — очень точно выражает основную идею автора о назревании войны как суммарном, «незапрограммированном» результате цепи краткосрочных, ситуационных решений, к которым прибегали лидеры государств и дипломаты в условиях быстрого изменения соотношения сил между ведущими державами, необузданной гон-

ки вооружений, «лихорадки» колониальных приобретений и вызываемых ею международных кризисов. Кларк довольно убедителен в показе того, насколько узок и зависим от конкретных обстоятельств был горизонт решений, принимаемых государственными деятелями, и насколько противоречивыми и неожиданными оказывались их последствия. Как показывает автор, именно сближение Англии и Германии в 1890–1891 гг. ускорило оформление нацеленного против последней русско-французского союза, а переориентация внешнеполитических интересов России после 1905 г. на Балканы и усиление ее конфронтации с австро-германским блоком были прямым следствием ее поражения в русско-японской войне, к которому приложила руку Англия — будущий союзник России.²⁰ По мнению английского историка, целый ряд «шоковых» потрясений международной системы существенно дезориентировал политиков и дипломатов, заставляя их принимать поспешные и ошибочные решения, имевшие контрпродуктивный исход и лишь усиливавшие конфронтационный климат в международных отношениях. Сам Кларк, не преследуя цели опровергнуть тезис о неизбежности назревания войны, энергично «расчищает» в ее предыстории место для случайности, пытаясь показать, как мир пришел к войне, казавшейся на фоне беспрецедентной интернационализации экономики и крепнущего единства европейской цивилизации невероятной.²¹

Как бы мы ни относились к этой концепции, исследовательский подход Кларка фокусирует внимание на целом ряде актуальных проблем, которые нередко ускользают при анализе причин войны. Во-первых, это вопрос о том, кто, какие конкретно силы и круги определяли судьбоносные решения, как они были связаны с внутривосточным контекстом развития ведущих государств Европы. Вступая в войну в союзе с Англией и Францией, самодержавная Россия, безусловно, совершила определенный скачок в политической модернизации, идя на разрыв своих традиционных связей с монархией Гогенцоллернов. Уместно задаться вопросом: насколько значимой при таком выборе была роль существующей политической формы и насколько велико на политической «кухне» было влияние

¹⁶ См.: Сборник договоров России... С. 436–441.

¹⁷ См.: Киреев Н. Г. История Турции. XX век. М., 2007. С. 99.

¹⁸ См.: Молодяков В. Э., Молодякова Э. В., Маркарян С. Б. История Японии. XX век. М., 2007. С. 58, 59.

¹⁹ Clark Ch. Sleepwalkers: How Europe Went to War in 1914. London, 2013.

²⁰ Ibid. P. 129, 159.

²¹ Ibid. P. XXXIX.

оппозиционных и, в целом, общественных сил.²² Проблема приобретает еще более интригующий смысл при соотнесении степени влияния различных фракций политико-дипломатической элиты России — прогерманской и выступающей за союз с Антантой — с кардинальной сменой доминирующего вектора экспансии — «азиатского» (дальневосточного) на «европейский» (балканский). Несомненна связь проантантовских сил, находившихся у руля внешней политики России в 1906–1916 гг. (министерства А. П. Извольского и С. Д. Сазонова), не только с интересами либеральной буржуазии,²³ но и с лагерем так называемых «европеистов», критиковавших дальневосточную политику царизма в начале XX в. как полностью ошибочную.²⁴ Взаимозависимость внутриполитической борьбы и выбора геополитической ориентации государств в конкретные исторические эпохи не является абсолютно новой темой в научной литературе,²⁵ но применительно к истории Первой мировой войны механизмы этой связи, на наш взгляд, нуждаются в дополнительном изучении.

Во-вторых, предложенный Кларком взгляд на предысторию Первой мировой войны заостряет вопрос о том, насколько определившаяся перед войной структура международных противоречий и, соответственно, состав противоборствующих коалиций были детерминированы устойчивыми национальными интересами европейских держав и векторами их долговременных экспансионистских устремлений. Кларк отчасти прав, подчеркивая предвоенный динамизм и изменчивость международной системы, которые действительно создают впечатление доминирования краткосрочных, ситуационных решений над политической инерцией. Это, казалось бы, должно было закономерно смещать главный

акцент в осмыслении генезиса войны с изучения политических трендов на синхронный структурный «срез» предвоенной международной ситуации, порождаемых ею противоречий и диктуемых ею внешнеполитических приоритетов государств.

Нам видится, однако, что Кларк подходит к исследованию причин Первой мировой войны несколько односторонне. Углублению историзма и нахождению долгосрочной логики в понимании генезиса войны могло бы способствовать не их противопоставление ситуационному анализу, но его объединение с выявлением трендов развития европейской политической сцены. Такую возможность открывает геополитический анализ, который связывает динамизм предвоенной политики с долгосрочными интересами улучшения стратегической позиции вовлеченных в войну государств по отношению к соперникам и конкурентам в конкретных международных условиях. Отстаивая «неизменность» или, по крайней мере, инерционность структур исторического действия, обусловленную особенностями географического положения государств, геополитический подход тем самым отнюдь не порывает с историзмом, но, скорее, предлагает для лучшего понимания логики исторического развития сфокусировать внимание на выделении в рамках протяженных эпох исторического развития относительно стабильных структур международных отношений. Применительно к анализу предыстории Первой мировой войны за его основу должны быть взяты крупные изменения в структурах распределения силы и влияния государств, но в структурах такого масштаба и такой степени генерализации, которые не отрицают, но, скорее, вбирают в себя всю изменчивость конкретных форм и направлений их внешней политики. Такой взгляд на причины Первой мировой войны в свое время был обоснован в программной статье П. Кеннеди.²⁶ Американский историк доказывает, что весь пестрый и изменчивый калейдоскоп решений предвоенной дипломатии и политики великих держав обретает объяснительный смысл только в укрупненном формате анализа неявно фиксируемых эпохальных «сдвигов в балансе мировых сил». В работах, посвященных анализу англо-германских отношений 1860–1914 гг.

²² Как одну из наиболее крупных историографических попыток оценить степень влияния династических связей в Европе перед Первой мировой войной на внешнюю политику Англии, России и Германии можно рассматривать работу: McLean R. R. *Royalty and Diplomacy in Europe, 1890–1914*. Cambridge, 2001.

²³ Этот вопрос достаточно давно и подробно раскрыт в российской историографии. См., напр.: Шелохаев В. В. *Идеология и политическая организация российской либеральной буржуазии. 1907–1914 гг. М., 1991. С. 154–193.*

²⁴ См.: Clark Ch. *Op. cit.* P. 159.

²⁵ Первым этот подход к политической истории обосновал известный американский географ и геополитик Дональд У. Мейнинг. См.: Meinig D. W. *Heartland and Rimland in Eurasian History // The Western Political Quarterly*. 1956. Vol. 9, No. 3. P. 553–569.

²⁶ См.: Kennedy P. *The First World War and the International Security System // International Security*. 1984. Vol. 9, No. 1. P. 7–40.

как стержня длительно назревавшего мирового конфликта, Кеннеди, разделяя в целом тезис о сложном, «многослойном» характере причин Первой мировой войны, подчеркивает, тем не менее, что ни одна из «событийных» причин обострения этих отношений не может объяснить сползания к войне двух сильнейших держав Европы. Весь спектр проявлений конфликтности, по мнению историка, в конечном счете являлся не более чем «манифестацией относительного сдвига в экономическом могуществе двух стран в период между 1860 и 1914 годами». ²⁷ Кеннеди доказывает, что ни колониальные устремления Германии, ни ее программа военно-морского строительства в реальности не создавали непосредственной угрозы мировой гегемонии Великобритании, чтобы служить поводом к войне, но они ясно сигнализировали о процессах, которые могли создать такую угрозу в стратегической перспективе последующих 20–30 лет. ²⁸

По мнению Кеннеди, способность небольшой группы великих держав мыслить и оценивать свою ситуацию стратегически в начале XX в. воплощалась именно в геополитике. Геополитическое могущество государства являлось не только наглядным универсальным критерием всех проявлений его реальной силы (военной, экономической, политической) и его места в глобальном порядке, но и стратегической проекцией его будущих возможностей. Сопоставляя две господствовавшие в начале XX в. парадигмы геополитического мышления — теорию «морской силы» американского адмирала А. Т. Мэхэна и концепцию «Хартлэнда» английского географа Х. Дж. Маккиндера, — Кеннеди характеризует их как симптоматичные выражения фундаментального сдвига в мировом балансе экономических сил: если первая являлась фактически апологией британского морского могущества и связанного с ним «золотого века» британской промышленности и торговли, то вторая ясно подчеркивала убывающую экономическую силу Великобритании и те риски, которые возникали для нее в связи с ускоренным ростом экономик континентальных стран, опирающихся на неисчерпаемую ресурсную базу. ²⁹ Обозначившийся перелом

в распределении силы и влияния (объективно убывающие на новом витке индустриализации экономические возможности одной группы стран и, наоборот, возрастающие — другой) создавал самый мощный системный конфликт интересов великих держав, приведший к Первой мировой войне.

Кеннеди довольно точно вскрывает экономический смысл расколовшего Европу геополитического конфликта, опираясь на основные тезисы вышедшей в 1919 г. книги Х. Дж. Маккиндера «Демократические идеалы и реальность», в которой анатомия Первой мировой войны рассматривалась в контексте кульминационного обострения многовекового (и в этом смысле традиционного) антагонизма морских и континентальных держав. ³⁰ Способность Великобритании выстроить с помощью Франции и усилить с помощью США организованный фланг военного давления со стороны Атлантики на австро-германский центр Европы можно считать выдающимся достижением английской дипломатии в части использования ею своих убывающих, но еще достаточно мощных ресурсов мирового влияния; с присоединением к Антанте всех британских доминионов и Японии достигались и эвентуальные цели традиционной британской стратегии — морской блокады всего евразийского «Мирового Острова». Но поистине решающий, судьбоносный успех коалиции морских держав — это геополитический маневр, связанный с расколом континентальных держав и с присоединением к Антанте крупнейшей из них — России, — в результате чего стало возможным полное «окружение» Германии.

В целом концепция Маккиндера вносит убедительную логику в понимание тех стратегических диспозиций, в соответствии с которыми формировались противоборствующие коалиции, и — самое главное — без ущерба для этой логики органично вбирает в себя альтернативы развития предвоенной ситуации, оставляя в ней место для искусных маневров дипломатии. Не случайно ее продолжают высоко оценивать современные специалисты. Один из крупнейших британских исследователей истории международных отношений М. Уайт рассматривает маккиндеровский анализ Первой мировой войны как эвристически

²⁷ Kennedy P. M. *The Rise of the Anglo-German Antagonism, 1860–1914*. Boston, 1980. P. 167, 410.

²⁸ Kennedy P. *Strategy and Diplomacy...* P. 160.

²⁹ См.: *Ibid.* P. 41–87.

³⁰ См.: Mackinder H. J. *Democratic Ideals and Reality. A Study in the Politics of Reconstruction*. New York, 1919.

ценный набор ключевых идей для понимания не только ее причин, но и последствий. В определенной части выводов переключаясь с Кеннеди, Уайт отмечает, что, несмотря на поражение двух континентальных великих держав — России и Германии, — победа Антанты явилась до известной степени иллюзорной и случайной, поскольку ход войны, как ни парадоксально, выявил резко возросшее значение в мировой борьбе тех выгод стратегической диспозиции и источников ресурсной силы, которыми обладали именно континентальные державы. Это проявилось не только в способности заблокированной Германии в течение четырех лет противостоять союзу сильнейших военных держав, но и в том, что морским державам удалось победить, лишь воспользовавшись разобщенностью континентальных стран и прибегнув в лице США к вмешатель-

ству мощной внеевропейской силы.³¹ В этом смысле логика формирования вступивших в Первую мировую войну коалиционных группировок в существенной части отразила переломный момент, связанный со сменой доминирующих тенденций развития мировой экономики и политики.

Вышеприведенный анализ позволяет рассматривать причины, приведшие к Первой мировой войне, через призму стратегических противоречий, складывавшихся в «треугольнике» отношений Великобритания – Германия – Россия, и тех возможных комбинаций в расстановке сил, которые эти отношения допускали с учетом фактора активной дипломатической борьбы. С этой точки зрения колебания в позициях великих держав в предвоенный период в целом укладываются в логику соперничества их перспективных стратегий.

Konstantin I. Zubkov

Candidate of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: zubkov.konstantin@gmail.com

GEOPOLITICAL APPROACH TO THE ANALYSIS OF WORLD WAR I CAUSES: CONTROVERSIAL ISSUES OF THEORY

Based on comparison of some present day historiographic trends the paper studies an issue of the need to use a geopolitical approach for the study of World War I causes, which would help better understanding the logics of opposing coalitions formation within the context of the then prevailing trends of global politics and economics. The author presents arguments in favor of the view that an attempt to relate the dynamic uncertainty of international relations of the pre-war period, and the short-term motivations underlying the choice of allies to the long-term global development trends requires building the generalizing models for the analysis of international antagonisms embracing the whole spectrum of specific circumstances leading to the outbreak of the war. By way of example of one of the most well reasoned geopolitical models the author refers to H. J. Mackinder's theory of geopolitical dualism between the continental and the sea powers, the updated, modified version of which was elaborated by P. Kennedy in his model of a shift in the balance of global economic forces.

Key words: *The First World War, geopolitics, imperialism, international relations, strategy*

REFERENCES

- Bowman I. *The New World. Problems in Political Geography*. Yonkers-on-Hudson; New York: World Book Company, 1921, 632 p. (in English).
- Clark C. *Sleepwalkers: How Europe Went to War in 1914*. London: Penguin Books, 2013, 697 p. (in English).
- Dementev I. P. *Amerikanskiy ekspansionizm. Novoe vremya* (American expansionism. New time). Moscow: Nauka Publ., 1985, pp. 134–155. (in Russ.).
- Dusinskiy I. I. *Geopolitika Rossii* [Russian geopolitics]. Moscow: Moskva Publ., 2003, 320 p. (in Russ.).
- Haushofer K. *O geopolitike: Raboty raznykh let* [On geopolitics: Works of different years]. Moscow: Mysl Publ., 2001, 426 p. (in Russ.).

³¹ См.: Wight M. *Power Politics*. London; New York, 1999. P. 74, 75.

- Istoriya Evropy [History of Europe]. St. Petersburg: Evraziya Publ., 2010, 704 p. (in Russ.).
- Kennedy P. *International Security*, 1984, Vol. 9, № 1, pp. 7–40. (in English).
- Kennedy P. M. *The Rise of the Anglo-German Antagonism, 1860–1914*. Boston: Allen & Unwin, 1980, 604 p. (in English).
- Kennedy P. *Strategy and Diplomacy, 1870–1945*. London: Fontana Press, 1989, 254 p. (in English).
- Kireev N. G. *Istoriya Turtsii. XX vek* [History of Turkey. XX century]. Moscow: IVI RAN; Kraft Publ., 2007, 608 p. (in Russ.).
- Kokovtsev V. N. *Iz moego proshlogo. Vospominaniya 1903–1919 gg.* [From my past. Memoirs 1903–1919 gg.]. Moscow: Nauka Publ., 1992, Book 1, 447 p.; Book 2, 456 p. (in Russ.).
- «Kruglyy stol»: *Pervaya mirovaya voyna i ee vozdeystvie na istoriyu XX v.* (“Round table”: The First World War and its impact on the history of XX century) *Novaya i noveyshaya istoriya* (Modern and Contemporary History), 1994, № 4–5, pp. 109–131. (in Russ.).
- Lenin V. I. *Imperializm i raskol sotsializma* (Imperialism and the split in Socialism) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete set of works]. Moscow: izdatelstvo politicheskoy literatury Publ., 1977, Vol. 30, pp. 163–179. (in Russ.).
- Lenin V. I. *Imperializm, kak vysshaya stadiya kapitalizma* (Imperialism, the highest stage of Capitalism) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete set of works]. Moscow: izdatelstvo politicheskoy literatury Publ., 1977, Vol. 27, pp. 299–426. (in Russ.).
- Mackinder H. J. *Democratic Ideals and Reality. A Study in the Politics of Reconstruction*. New York: Henry Holt and Company, 1919, 266 p. (in English).
- McLean R. R. *Royalty and Diplomacy in Europe, 1890–1914*. Cambridge: Cambridge University Press, 2001, 241 p. (in English).
- Meinig D. W. *The Western Political Quarterly*, 1956, Vol. 9, № 3, pp. 553–569. (in English).
- Molodyakov V. E., Molodyakova E. V., Markaryan S. B. *Istoriya Yaponii* [History of Japan]. Moscow: IVI RAN; Kraft Publ., 2007, 528 p. (in Russ.).
- Perepiska Vilgelma II s Nikolaem II. 1894–1914 gg.* [Correspondence Wilhelm II with Nicholas II. 1894–1914 gg.]. Moscow; Petrograd: gosudarstvennoe izdatelstvo Publ., 1923, 212 p. (in Russ.).
- Sbornik dogovorov Rossii s drugimi gosudarstvami (1856–1917)* [Collection of Russian treaties with other countries (1856–1917)]. Moscow: gosudarstvennoe izdatelstvo politicheskoy literatury Publ., 1952, 463 p. (in Russ.).
- Shelokhaev V. V. *Ideologiya i politicheskaya organizatsiya rossiyskoy liberalnoy burzhuazii. 1907–1914 gg.* [Ideology and political organization of the Russian liberal bourgeoisie. 1907–1914]. Moscow: Nauka Publ., 1991, 232 p. (in Russ.).
- Vandam A. E. *Geopolitika i geostrategiya* [Geopolitics and geo-strategy]. Zhukovsky; Moscow: Kuchkovo pole Publ., 2002, 272 p. (in Russ.).
- Whittlesey D. *The Earth and the State. A Study in Political Geography*. New York: Henry Holt, 1939, 618 p. (in English).
- Wight M. *Power Politics*. London; New York: Leicester University Press, 1999, 317 p. (in English).